

Нил Гейман

Вниз к Сумрачному морю.

Темза – грязный монстр: он **ползет** через Лондон как змея или морской дракон. И Флит, и Тайберн, и Некингер, – все реки впадают в неё, неся грязь, отбросы и отходы, трупы кошек и собак, овечьи и свиные кости вниз по коричневым водам Темзы, которая несёт их на восток, в устье реки, а оттуда в Северное море и небытие.

В Лондоне дождь. Он смывает грязь в канавы, ручьи набухают и становятся реками, а реки, наполняясь дождевой водой, превращаются в **монстров**. Дождь льёт и дребезжит по крышам домов. Даже если с неба падает чистая вода, это ненадолго: смешиваясь с пылью, она превращается в грязь.

Ни речную, ни дождевую воду никто не пьёт. Ходят шутки, что если выпить воды из Темзы, можно тут же умереть, но это не так. **Мальчишки** прыгают в Темзу за монетами и выныривают живыми, отплеываясь, дрожа и держа в руках свой улов. Конечно, они не умирают от этого, хотя ныряльщики за монетами старше пятнадцати лет не найти.

Женщина, похоже, не замечает дождя.

Она идет через Ротерхитские доки, как ходила там уже не один десяток лет: никто не знает, сколько именно, потому что никому нет до нее дела. Она бродит по докам, или смотрит на море. **Она** рассматривает корабли, которые качаются на якорях. **Ей** нужно какое-то занятие, чтобы её душа оставалась в ладах с её телом, но никто в доках не представляет, что с ней не так.

Ты прячешься от ливня под брезентовым тентом. Должно быть, его натянул какой-то мастер. Сначала тебе кажется, что ты здесь один: женщина стоит неподвижно, как статуя, и глядит вдаль, **за реку. Дальний берег Темзы скрылся за пеленой дождя.**

А потом она тебя замечает. Она видит тебя, и она начинает говорить, но не с тобой, о нет, она говорит с серой водой, которая падает из серого неба в серую реку. Она говорит: "Мой сын хотел стать моряком", и ты не знаешь, что или как ответить. Тебе пришлось бы кричать, чтобы быть услышанным сквозь рев дождя, но она продолжает говорить, и ты слушаешь. **Ты** ловишь себя на том, что изо всех сил вытягиваешь шею и вслушиваешься, чтобы не упустить ни одного её слова.

«Мой сын хотел стать моряком. Я сказал ему, чтобы он не выходил в море. Я твоя мать, сказала я. Море не полюбит тебя так, как я люблю тебя, оно жестоко. Но он сказал: «О, мама, мне хочется повидать мир. Я хочу увидеть восход солнца в тропиках, и наблюдать северное сияние, танцующее в арктическом небе, но больше всего мне нужно сколотить сосотояние, а затем, когда это произойдет, я вернусь к тебе, и построю тебе дом, и там будет **много** слуг, и мы будем танцевать. О, мама, как мы будем танцевать ..." И что я буду делать в этом **fancy** доме, сказала я. Ты рассуждаешь глупо, хотя и складно. Я напомнила ему об отце, который так и не вернулся из плавания. Одни говорили, что он погиб, упав за борт. Другие божились, что видели его в Амстердаме, где он содержит публичный дом.

Какая разница, если море в любом случае забрало его.

Мой мальчик сбежал из дома, когда ему исполнилось двенадцать. Как мне сказали, здесь, в доках он нанялся на первый попавшийся корабль, шедший на остров Флориш на Азорах.

Бывают корабли, несущие на себе проклятье. Плохие корабли. Чтобы обмануть неосторожных, после каждого происшествия, их перекрашивают и дают им новое имя.

Моряки суеверны. The word gets around По приказу владельцев судна капитан посадил этот корабль на мель, чтобы обманом получить страховку. Потом его отремонтировали, он стал как новенький, но тут же попал в лапы пиратов. Потом на борт приняли груз одеял, и на корабле вспыхнула чума: трое выживших едва довели его до порта в Гарвиче.

На этот проклятый корабль и нанялся мой сын. Когда разразилась буря, он уже возвращался домой с заработанными деньгами, потому что был слишком юн, чтобы спустить их на женщин и грог, как это делал его отец.

Он был самым маленьким в спасательной шлюпке.

Они сказали, что они честно тянули жребий, но я не верю в это. Мой мальчик был меньше всех. Они восемь дней дрейфовали в лодке, они были так голодны. И даже если они действительно тянули жребий, они явно сжульничали.

Они дочиста одну за другой обглодали кости, а потом сбросили их его новой матери – морской пучине. Она не пролила ни слезинки и взяла их без единого слова. Она жестока.

Иногда я жалею, что он сказал мне правду. Он мог бы солгать.

Они отдали кости моего мальчика морю, но помощник капитана - он знал моего мужа, знал он и меня, гораздо ближе, чем думал мой муж - он оставил одну косточку в качестве сувенира.

Когда все вернулись на берег, они клялись, что мой мальчик погиб во время шторма, потопившего корабль. Но помощник капитана пришел ночью ко мне, рассказал правду и отдал эту косточку – во имя нашей былой любви.

I said Что ты натворил, Джек. Это был твой сын, тот, кого ты съел.

В ту ночь море забрало и его. Он зашел в воду с набитыми камнями карманами. Он шел всё дальше и дальше. Он никогда не умел плавать.

И я повесила эту косточку на цепочку, чтобы вспоминать их обоих поздно ночью, когда ветер швыряет океанские волны на песок, а его вой так похож на плач младенца.»

Дождь ослабевает, и ты думаешь, что женщина закончила рассказ, но теперь впервые за все время она смотрит прямо на тебя и, кажется, хочет что-то сказать. Она вытащила из-под воротника что-то, висящее на шее, и теперь протягивает это тебе.

«Вот», - говорит она. Ты замечаешь, что её глаза такие же коричневые, как воды Темзы, когда сталкиваешься с ней взглядом, - «Хочешь потрогать?».

Ты хочешь сорвать это с её шеи и швырнуть в реку – найдут ныряльщики, или пропадет совсем. Но вместо этого ты, спотыкаясь, выходишь из-под тента, и дождевая вода течет по твоему лицу, словно чьи-то чужие слёзы.

ВВС Радио 2. Конкурс 500 слов 2016 года

Бабульки, летавшие на Луну,

Кэти Динэйер, 9 лет.

Некоторое время назад в далеком-далеком городе (на самом деле, в Гримсби) жили две бабульки.

Позвольте мне познакомить вас с Гертрудой. Все звали ее "Грязная Гerti", потому что каждую субботу она совершала пробежку по парку, и всегда особо старательно бежала через мутные лужи. У Гerti была подруга по имени Бесси, которой всегда удавалось проливать ее шоколадные молочные коктейли по блузке, так что все называли ее "Неряшливая Бесси".

Гerti и Бесси жили в жилом доме в Гримсби и скучали. Они жаждали приключений и экзотических мест. Да, я знаю, о чем вы думаете ... .. Блэкпул. Но нет. Они уже там были, и весь день шел дождь. Им было необходимо что-то новое и интересное.

По ВВС шла программа о космосе, и в ней был хороший профессор Брайан Кокс. Бесси вполне нравился Брайан Кокс. Гerti предпочитал Джорджа Клуни. Профессор Кокс говорил о Международной космической станции и путешествиях на Луну. Старушки смотрели друг на друга с широко открытыми глазами ... они знали, куда отправиться.

«Почему бы нам не полететь на Луну?», - сказали они.

«Как мы доберемся туда?», - спросила Бесси.

«В ракете, конечно», - ответила Гerti. И они построили её. Они прошли по всем хозяйственным магазинам и купили все, что нужно. Всю ночь они прибивали, сшивали, клеивали, забивали и красили. Ракета получилась великолепной - 20 футов, ярко-розовая, питание было от фейерверков (ракета, конечно же, а не фейерверки или бенгальские огни). Бесси хотела назвать её «Брайан», но Гerti предпочитала название «Джордж». Наконец, они договорились до названия «Кекс», так как они обе любили кексы.

Настал день запуска ракеты, и дамы собрали предметы первой необходимости. У них был **примерно** такой список: тортики «Jaffa», чай, очки, фонарики и мятные конфетки. Всё было готово. Дамы были напуганы во время старта. Это было настолько громко, что проснулся мистер Джонс, дремавший в доме престарелых.

В конце концов, они были в космосе и мчались к Луне. Как чудесно ... они **шли** мимо Международной космической станции. На борту станции майор Тим Пик выглянул в окно во время чистки зубов. Он увидел, как яркая розовая ракета с двумя машущими ему старушками мчится мимо. Тим удивленно поморгал и решил, что, вероятно, не стоит говорить об этом остальному экипажу. Дамы полетели вперед, обогнули темную сторону Луны, пока не повернули обратно к Земле. Они раскочегарили двигатель, чтобы скорее вернуться домой.

Тим макал печенье в чай, когда дамы снова пронеслись мимо, счастливо приветствуя его. Он **бросил** **сухарь** в чай и решили лечь.

Возврат на Землю был куда страшней, чем запуск, и тортики «Jaffa» расплавились, но шерстяной парашют отлично сработал. Дамы приземлились в Гримсби, уставшие, но счастливые.

«Это было довольно захватывающе, что мы будем делать дальше?», - спросила Гerti.

«Давай встретим Тима Пика, когда он приземлится обратно на Землю, он будет так рад снова видеть нас».